

— Слышал я, в академии уже распорядились сделать новые вывески. Дня через два табличку Двора Куньжуй сменят на Двор Цинань.

— Интересно, куда же нас переселят, когда мы поднимемся до ступени Кунь?

— Разумеется, во Двор Куньжуй, — ответил Вэй Анъюань, выкладывая из сумки на письменный стол кисти и тушечницу.

— Анъюань, ты разве не знаешь? В академии уже отдали Двор Куньжуй этим южанам, будь они неладны! Так они еще и...

— Я знаю, — перебил его Вэй Анъюань, даже не поднимая головы. — И что с того?

— ...

Е Мянъ лежал, растянувшись на столе. Он зевнул и лениво протянул:

— Какая разница, кто сейчас занимает Двор Куньжуй? Через три года, когда мы поднимемся до ступени Кунь, просто переедем туда — и дело с концом.

Ли Чжао кивнул:

— Старшие ученики уступают им из великодушия. Но мы-то поступили в один год, так что расшаркиваться перед ними не обязаны.

Вэнь Сюнь разгорячился:

— И бояться мы их не станем!

— Верно! Мы их не боимся.

— В крайнем случае — просто поколотим!

— Ха-ха, тоже мне, хилые доходяги!

— Пусть катятся во Двор Куньжуй поправлять здоровье, а то потом еще скажут, что мы их обижаем.

Ха-ха-ха!..

Все словно обрели опору и воспрянули духом. От недавнего уныния не осталось и следа, и они наперебой, с прежним задором, принялись обсуждать новость.

Колокол Императорской академии Гоцзысюэ пробил дважды, призывая к началу занятий, и в учебных классах всех дворов воцарилась тишина.

Этим утром во Дворе Цижуй был урок каллиграфии.

Ученики молча сидели за столами, копируя прописи. В комнате стояла такая тишина, что изредка слышался лишь треск угольков в жаровне. Учитель неспешно прохаживался по серому кирпичному полу, поправляя осанку то одному, то другому воспитаннику и давая наставления по искусству письма.

Е Мянъ тоже прилежно выводил иероглифы. Заслышав приближающиеся шаги учителя, он

нервно сглотнул. Предчувствие его не обмануло: постояв у него за спиной совсем немного, господин Лян тяжело вздохнул.

Е Мянэ отложил кисть и с редким для него смущением почесал затылок:

— Господин учитель, ваш ученик честно тренируется каждый вечер...

Господин Лян погладил козлиную бородку, забрал из рук Е Мянэ кисть из заячьего ворса и, расстелив на столе чистый лист бамбуковой бумаги, произнес:

— Сосредоточься и посмотри внимательно, как пишу я.

Господин Лян медленно выводил черты, попутно объясняя:

— Сила движения должна исходить от запястья, а не от кончика кисти. Вести ее нужно толчком, а не волочить за собой, а опускать на бумагу — без малейшего колебания...

Закончив, господин Лян велел Е Мянэ повторить все за ним. После нескольких безуспешных попыток учитель в конце концов прижал ладонь ко лбу и вздохнул:

— Пожалуй, тебе стоит потренироваться писать крупные иероглифы еще пару месяцев.

Со всех сторон слышались сдавленные смешки.

Е Мянэ понуро кивнул. Все его одноклассники давно уже искусно владели средним и мелким уставом, и только он, словно неразумное дитя, изо дня в день выводил крупные иероглифы.

Господин Лян славился мягким нравом и никогда не прибегал к колкостям, однако сейчас не удержался от вопроса:

— И впрямь удивительно. Твой отец, заместитель министра Е, рассказывал, что когда ты учился в домашней школе, твои иероглифы хоть и выглядели по-детски просто, но структура у них все же была правильной. Почему же за последние полгода ты не только растерял силу мазка, но и начисто забыл базовые приемы?

Е Мянэ лишь горько усмехнулся про себя. Откуда учителю было знать, что нынешний Е Мянэ — совсем не тот, что прежде?

Стоило пробить колоколу на обеденный перерыв, как ученики хлынули из своих дворов в сторону трапезных.

В этом возрасте юноши росли не по дням, а по часам, и голод настигал их мгновенно. Е Мянэ с друзьями быстро накинули плащи и плотные шинели и поспешили в Терем Цуйхуа.

В Императорской академии Гоцзысюэ было две трапезных. В первую, Терем Цуйхуа, ходили отпрыски знатных семей, платя за это немалые деньги. Во вторую, Зал Юэвэй, навещались сыновья простолюдинов, расходы на питание которых ежегодно выделялись академии Министерством финансов.

Ученики из этих двух сословий держались обособленно и никогда не заглядывали на чужую половину. Е Мянэ не был исключением. Хотя сам он не придавал значения сословным различиям, даже дураку было ясно: еда в Зале Юэвэй и Тереме Цуйхуа — это небо и земля.

Стоило им сесть за стол, как слуги принесли еду на лакированных подносах. Каждому

полагалось по четыре небольших блюда и чаша супа: овощи, мясо, речная рыба — все сбалансировано, меню не повторялось в течение десяти дней.

Сегодня подавали тушеную в горшочке оленину, жареных перепелок, ломтики рыбы в имбирном соусе, огурцы в креветочном масле и чашу томленого куриного супа с нашинкованным мясом, с которого бережно сняли жир.

Е Мянью проголодался до смерти. Утром он так хотел спать, что не мог разлепить глаз, и даже не притронулся к завтраку, который завернул ему Фэнцин. Едва слуга расставил тарелки, Е Мянью тут же схватился за палочки.

Проглотив несколько кусков и почувствовав приятное тепло в желудке, он поднял глаза и наткнулся на брезгливые взгляды Вэй Аньюаня и остальных.

Е Мянью, набив рот, быстро прожевал еду, проглотил и спросил:

— Вы чего на меня так смотрите?

Вэй Аньюань покачал головой:

— Тебе еще не приелась академическая стряпня?

— М? А по-моему, очень даже вкусно.

Вэй Аньюань посмотрел на него как на безнадежного и проворчал:

— Поглядеть на тебя — так решишь, будто в Усадьбе заместителя министра финансов и мыши повесились от голода.

Е Мянью промолчал.

Жуань Юньшэн потер подбородок:

— Ты что, опять не позавтракал?

Е Мянью кивнул:

— Поздно встал, не успел бы. Вчера лег спать только в час Крысы.

— Пресвятые угодники! — ахнули остальные. — Так и здоровье подорвать недолго. Твоя матушка совсем не приглядывает за твоим двором?

Жуань Юньшэн подумал немного и спросил:

— И чем ты занимался глубокой ночью в кромешной темноте?

Не успел Е Мянью ответить, как Ли Чжао прыснул со смеху:

— Ну, я-то знаю. Небось развлекался с какой-нибудь служанкой...

— О-о? — друзья понимающе переглянулись и покатались со смеху.

— Да ну вас, много вы понимаете! — Е Мянью с досадой отмахнулся от них. — Желторотики, у самих еще молоко на губах не обсохло.

Ли Чжао ехидно ухмыльнулся:

— Что, задело за живое? Тогда дай угадаю, кто она. Помнится, когда я гостил у тебя в прошлый раз, там была одна хорошенькая служанка по имени Баохэ — личико нежное, губки как спелая вишня...

— Серьезно? — оживился Вэнь Сюнь.

— Хватит молоть чепуху! — Е Мянью легонько стукнул Ли Чжао палочкой по лбу. — Если испортите репутацию девушке из моей комнаты, вы потом сами будете выдавать ее замуж?

Заметив, что Е Мянью всерьез рассердился, шутники притихли. Но молчавший до этого Вэй Аньюань равнодушно обронил:

— Если уж считаешь ее хорошей девушкой, возьми через пару лет в наложницы, и пусть попробует хоть кто-то что-то сказать.

Объяснять им что-либо было бесполезно. Е Мянью почувствовал невероятную усталость, да и продолжать этот разговор ему не хотелось, поэтому он просто зыркнул на них и перевел тему:

— Что вы не едите? Остынет же все.

Ребята нехотя взялись за палочки, но тут сидевший рядом с Е Мянью Вэнь Сюнь толкнул его локтем и глазами указал куда-то назад.

Е Мянью обернулся и удивленно приподнял бровь: в залу входили те самые «задохлики» из Двора Цинань.

Узнать их не составило труда, и вовсе не потому, что Е Мянью помнил их в лицо. Просто южане носили на запястьях деревянные браслеты, тогда как ученики из Цзиньлина надевали серебряные венцы, в центре которых красовался чистейший рубин размером с медную монету.

Хотя Е Мянью видел это не впервые, он все равно мысленно вздохнул. Не зря говорят, что земли Лянхуай сказочно богаты — разве с ними сравнишься?

С приходом учеников из Двора Цинань в Тереме Цуйхуа стало заметно тише.

— Ну и выскочки, — фыркнул Вэй Аньюань.

Ученики из Двора Цижуй прыснули со смеху, уткнувшись в тарелки, и только Вэнь Сюнь с недовольной гримасой продолжал уныло ковырять палочками рис.

— Ты чего? — удивился Е Мянью.

— Я хочу их еду.

Е Мянью усмехнулся про себя и подозвал слугу:

— Сходи на кухню и принеси порцию того, что приготовили для Двора Цинань.

Поскольку южане никак не могли привыкнуть к местной пище, руководство академии пошло им навстречу: выписало поваров с юга и распорядилось каждый месяц привозить кораблем свежие южные овощи долгого хранения. Продукты эти не стоили баснословных денег, но из-за этого меню Двора Цинань отличалось от здешнего.

Вэнь Сюнь рос в роскоши и ни в чем не знал отказа. Едва ли он действительно изголодался по новым блюдам — скорее, в нем просто разыгралось уязвленное самолюбие.

Слуга на мгновение растерялся, но стоило Е Мянью нахмуриться, как он тут же поспешил на кухню. Вскоре он вернулся с понурым видом и робко доложил:

— На кухне ответили, что южных блюд приготовили ровно двадцать порций.

Стоило слуге договорить, как лица учеников из Двора Цижуй помрачнели. Е Мянью удержал уже готового взорваться Вэнь Сюня и мягко обратился к мальчику-слуге:

— Ничего страшного, твоей вины тут нет. Сходи на кухню еще раз и попроси поваров приготовить прямо сейчас. Мы подождем.

— И пусть делают сразу двадцать порций. Весь Двор Цижуй возьмет, — недовольно добавил Вэй Аньюань.

<http://bllate.org/book/18289/1753815>